

Ги де Мопассан

Папа Симона

Часы били двенадцать. Дверь школы распахнулась, и оттуда хлынула толпа сорванцов, толкаясь и торопясь поскорее выйти. Но вместо того, чтобы рассыпаться в разные стороны и помчаться домой обедать, как это бывало каждый день, они собрались кучками в нескольких шагах от школы и стали шептаться.

Дело в том, что сегодня утром в первый раз в школу пришел Симон, сын Бланшотты. Дети слышали разговоры родителей о Бланшотте, и хотя ее встречали любезно, их матери между собой отзывались о ней с презрительным сожалением, которое бессознательно переняли и дети. Симона дети мало знали; он постоянно сидел дома, не резвился с ними на деревенской улице и на берегу речки. За это они его недолюбливали и теперь с некоторым злорадством, хотя не без удивления, выслушивали и повторяли друг другу слова пятнадцатилетнего озорника, который так хитро подмигивал, что, по-видимому, знал многое:

— Послушайте... у Симона... ведь у него папы-то нет!

Сын Бланшотты в свою очередь показался на пороге школы. Ему было лет семь-восемь. Это был бледненький опрятно одетый мальчик, от застенчивости почти неуклюжий.

Симон пошел было домой, но товарищи, перешептываясь и поглядывая на него насмешливыми и жестокими глазами, какие бывают у детей, задумавших злую проказу, обступали его все теснее и теснее, пока кольцо совсем не сомкнулось. Он стоял среди них неподвижно, удивленный и смущенный, не понимая, что с ним будут делать. Парень, который сообщил новость, упоенный достигнутым успехом, спросил его:

— Послушай, ты, как тебя зовут?

— Симон.

— Симон, а дальше как?

Ребенок совсем смутился и повторил:

— Симон.

Парень крикнул ему:

— Говорят: Симон такой-то... Какая ж это фамилия — «Симон»! Мальчик, сдерживая слезы, повторил в третий раз:

— Меня зовут Симон.

Мальчишки захохотали. Тогда парень торжествующе возвысил голос:

— Ну вот, теперь вы поняли, что у него нет папы!

Наступила полная тишина. Дети были поражены необычайным, невероятным, из ряда вон выходящим обстоятельством — у мальчика нет папы!

Они разглядывали его, словно перед ними стояло невиданное чудище, и в них росло то ранее непонятное презрение, какое было у их матерей к Бланшотте.

Симон прислонился к дереву, боясь упасть; он был раздавлен непоправимым

несчастьем. Он искал слов, чтобы объясниться, опровергнуть страшное обвинение, будто у него нет папы, — и не мог.

Побелев, как полотно, он, наконец, отважился и крикнул:

— Неправда, у меня есть папа!

— Где же он?

Симон молчал; он не знал.

Ребята смеялись, очень возбужденные; они как дети полей, близкие к природе, подчинялись тому самому жестокому инстинкту, который заставляет кур на птичьем дворе приканчивать раненую птицу. Вдруг Симон заметил соседа, сынишку одной вдовы, который тоже всегда бывал вдвоем с матерью:

— Вот и у тебя нет папы.

— Нет, — ответил мальчик, — у меня есть папа!

— Где же он?

— Он умер, — с торжествующей гордостью отвечал ребенок, — мой папа лежит на кладбище!

Одобрительный шепот пронесся в толпе сорванцов, как будто бы то обстоятельство, что отец умер и похоронен на кладбище, возвеличивало их товарища и унижало того, другого, у которого совсем не было отца. Мальчуганы, отцы которых по большей части были грубиянами, пьяницами, ворами и тиранили жен, теснились все ближе, ближе; казалось, что они, законные дети, хотят задушить незаконного.

Вдруг один из них, стоявший вплотную подле Симона, с насмешливым видом показал ему язык и закричал:

— Нет папы! Нет папы!

Симон обеими руками схватил его за волосы, впился зубами в щеку и, брыкаясь, стал бить его по ногам. Началась свалка. Дравшихся разняли. Симон лежал на земле избитый, в синяках, в изодранной блузе, посреди толпы мальчиков, радостно хлопавших в ладоши.

Когда он поднялся, машинально стряхивая с себя пыль, кто-то крикнул:

— Пойди-ка пожалуйся своему папе!

Тогда он почувствовал, что все рушится. Они были сильнее, чем он, они избили его, и он ничего не мог ответить — ведь и правда, у него нет папы. Из гордости попробовал бороться с душившими его слезами, но задохнулся и беззвучно заплакал, зарыдал, весь содрогаясь.

Тогда свирепый восторг охватил его врагов; инстинктивно, точно дикари, предающиеся страшному своему веселью, они взяли за руки и стали плясать вокруг Симона, повторяя, как припев:

— Папы нет! Папы нет!

Вдруг Симон перестал рыдать. В нем вспыхнула ярость. Под его ногами оказались камни, он набрал их и изо всех сил принялся швырять в своих мучителей. Он попал в двух или трех, они убежали с воплями. У мальчика был такой грозный вид, что все остальные испугались. Трусливые, как всякая толпа при виде исступленного человека, они бросились врассыпную.

Мальчик, у которого не было отца, постоял одиноко и побежал в поле; в памяти его возникло воспоминание, подсказавшее ему, как поступить. Он решил утопиться в реке.

Неделю тому назад один бедняк, живший милостыней, бросился в реку, потому что у него совсем не было денег. Симон видел, как вытащили из воды утопленника. И вот этот убогий старик, который обычно казался ему жалким, неопрятным и некрасивым, поразил его своим видом: лицо было бледное, невозмутимое, длинная борода намокла, но раскрытые глаза смотрели спокойно. Вокруг говорили:

— Он умер!

И кто-то добавил:

— Теперь ему хорошо!

И Симон тоже решил утопиться; у этого несчастного не было денег, а у него не было отца.

Он подошел вплотную к реке и смотрел, как она течет. Юркие рыбки резвились в прозрачной воде, подскакивали и хватали летающую над рекой мошкару. Мальчик перестал плакать и с любопытством следил за их уловками. Но время от времени, подобно тому, как при кратком затишье во время грозы вдруг налетают порывы ветра, с треском сотрясают деревья и уносятся вдаль, к Симону возвращалась все та же мысль, причинявшая ему острую боль: «Я должен утопиться, потому что у меня нет папы».

Вокруг было так тепло, так хорошо. Солнце нагрело траву. Им овладела истома, как бывает после слез; ему хотелось уснуть в траве на солнышке.

У его ног прыгала маленькая зеленая лягушка. Он попытался поймать ее. Она ускользнула. Он стал ее преследовать и три раза промахнулся. Наконец схватил за задние лапки и рассмеялся при виде усилий, которые она делала, чтобы освободиться. Она подбирала под себя ножки, потом неожиданно вытягивала их, они становились твердыми, как две палочки. Вращая своими круглыми глазами с золотым ободком, она в то же время шевелила в воздухе передними лапками, точно руками. Это ему напомнило одну игрушку: соединенные накрест узкие дощечки, которые двигались зигзагообразно вместе с марширующими по ним солдатиками. Он подумал о своем доме, о маме, ему сделалось очень грустно, и он снова заплакал, дрожа всем телом. Он стал на колени и начал читать молитву, как перед сном, но не мог ее окончить, потому что рыдания бурно, неудержимо подступили к горлу, сотрясая его. Он был поглощен своим горем, больше ни о чем не думал, ничего не видел вокруг, только плакал.

Вдруг тяжелая рука легла на его плечо, и кто-то басом спросил:

— О чем ты так горюешь, мальчуган?

Симон обернулся. Высокий рабочий, кудрявый, черноголовый, чернобородый, приветливо смотрел на него. Ребенок отвечал со слезами на глазах и в голосе:

— Они поколотили меня... потому что... у меня... нет папы... нет папы.

— Как же это так, — улыбнулся незнакомец, — у всякого есть папа.

Мальчик сказал, с трудом выговаривая слова из-за спазм, сжимавших горло:

— А у меня... у меня... нет!

Лицо рабочего стало серьезным; он узнал сына Бланшотты, о которой уже кое-что слышал, хотя поселился здесь недавно.

— Не плачь, мальчик, успокойся, — сказал он, — пойдём со мной к твоей маме! Мы найдем тебе... папу.

Большой взял маленького за руку, и они отправились в путь. Рабочий улыбался, он был не прочь познакомиться с Бланшоттой, которая, как говорили, была одной из самых красивых девушек в деревне. Может быть, смутно думалось ему, девушка, раз поскользнувшись, поскользнется и еще раз. Они подошли к небольшому чисто выбеленному домику.

— Вот здесь! — сказал мальчик и крикнул: — Мама!

В дверях показалась женщина, и рабочий сразу перестал улыбаться. Он понял, что эта высокая девушка с бледным лицом не допустит вольностей. Она стояла суровая, как бы запрещающая мужчине доступ в дом, где ее обманул другой. Рабочий смутился и пробормотал, комкая фуражку:

— Вот, хозяйка, я вам привел вашего сына, он заблудился возле реки.

Но Симон бросился на шею матери и опять заплакал:

— Нет, мама, я хотел утопиться, потому что они меня избили... избили... потому что у меня нет папы.

Жгучий румянец залил щеки молодой женщины; переживая боль всем своим существом, она страстно прижала к себе ребенка, а слезы закапали у нее из глаз и полились по лицу.

Растроганный рабочий стоял, не зная, как уйти. Вдруг Симон подбежал к нему и спросил:

— Хотите быть моим папой?

Наступило молчание. Бланшотте было мучительно стыдно; не проронив ни слова, она прислонилась к стене и прижала руки к сердцу, а ребенок, видя, что ему не отвечают, снова сказал:

— Раз вы не хотите, я опять пойду топиться.

Рабочий попытался обратить все в шутку и отвечал со смехом:

— Да нет же, я согласен.

— Как тебя зовут? — спросил ребенок. — Мне надо знать, как ответить, когда меня спросят.

— Филипп, — ответил рабочий.

Симон молчал секунду, стараясь получше запомнить это имя, потом, совсем утешившись, протянул руки и сказал:

— Ну вот, Филипп, ты мой папа!

Рабочий приподнял его, крепко поцеловал в обе щеки, повернулся и поспешно ушел, широко шагая.

На следующий день Симона встретили в школе злобным смехом. При выходе, когда тот же мальчишка хотел повторить вчерашнее, Симон бросил ему в лицо так, как бросил бы камень:

— Филипп, вот как зовут моего папу! Со всех концов слышался хохот:

— Филипп, а дальше? Что это за Филипп? Откуда ты взял твоего Филиппа?

Симон ничего не ответил. Непокколебимый в своей вере, он вызывающе смотрел на

них и готов был скорее перенести пытку, чем сдаться. Его спасло появление учителя, и он побежал к матери.

В течение трех месяцев высокого рабочего Филиппа часто видели у дома Бланшотты. Иной раз, когда она шила у окна, он осмеливался заговорить с ней. Бланшотта отвечала вежливо, с неизменным серьезным видом, никогда не шутила, не приглашала войти. Однако Филипп, слегка самонадеянный, как все мужчины, вообразил, что ее щеки чуть розовели, когда она разговаривала с ним.

Но испорченную репутацию восстановить трудно, а запятнать ничего не стоит, и, несмотря на пугливую сдержанность Бланшотты, в деревне уже начали сплетничать.

Симон очень полюбил своего нового папу, и почти каждый вечер, когда Филипп кончал работу, они гуляли вместе. Мальчик усердно посещал школу и с достоинством проходил мимо школьников, никогда не отвечая на их насмешки.

И все же парень, который первым задел Симона, однажды сказал ему:

— Ты соврал, нет у тебя никакого папы Филиппа!

— Почему? — заволновавшись, спросил Симон. Парень продолжал, потирая руки:

— Да потому что, будь у тебя папа, он был бы мужем твоей мамы.

Правильность довода смутила Симона, но тем не менее он ответил:

— А все-таки он мой папа!

— Может быть, — ухмыляясь, возразил парень, — да только он не совсем твой папа.

Сын Бланшотты опустил голову и, задумавшись, пошел по дороге к кузнице дяди Луазона, у которого работал Филипп.

Кузница будто спряталась в чаще деревьев. В ней было очень темно, только красное пламя огромного горна освещало ярким отблеском фигуры пяти кузнецов с обнаженными руками, оглушительно стучавших по наковальням. Они стояли, объятые пламенем, точно дьяволы, устремив глаза на раскаленное железо, которое они терзали своими молотами, и вместе с тяжелыми молотами взлетали их тяжеловесные мысли.

Симон незаметно проскользнул в кузницу и тихонько потянул своего друга за блузу. Филипп обернулся. Работа приостановилась, кузнецы внимательно разглядывали мальчика. Среди наступившей необычной тишины раздался тоненький голосок Симона:

— Послушай, Филипп, сын Мишоды говорит, что ты не совсем мой папа.

— А почему? — спросил рабочий. Ребенок ответил с полной наивностью:

— Потому, что ты не муж моей мамы.

Никто не засмеялся. Филипп стоял, опершись лбом на свои большие руки, в которых держал рукоятку молота, поставленного на наковальню. Он задумался. Четыре товарища не спускали с него глаз, а Симон, такой маленький среди этих великанов, тревожно ждал ответа. Вдруг один из кузнецов, как бы отвечая на то, о чем все думали, сказал Филиппу:

— А все-таки Бланшотта хорошая, порядочная девушка. Живет она степенно и хозяйственно, хоть и случилось с ней несчастье. Она будет хорошей женой честному человеку.

— Это правда, — сказали остальные. Рабочий продолжал:

— Она ли виновата, что оступилась! Он обещал на ней жениться, а мало ли мы знаем почтенных женщин, с которыми случилось то же.

— Это правда! — хором подтвердили остальные.

— А как ей было трудно одной растить ребенка, сколько слез она пролила с тех пор, один только бог это знает, и никуда она не ходит, кроме церкви.

— И это правда, — опять сказали кузнецы.

Был слышен только шум мехов, раздувавших огонь горна.

Филипп порывисто наклонился к Симону.

— Скажи маме, что я приду вечером поговорить с ней.

Он тихонько подтолкнул мальчика к двери и снова принялся за работу.

Пять молотов, как один, ударили по наковальням. До самой ночи ковали они железо, сильные, мощные, радостные, исполненные удовлетворения. И как в праздничный день соборный колокол своим звоном заглушает перезвон других колоколов, так и молот Филиппа, покрывая стук остальных, ежесекундно опускался с оглушительным грохотом. Глаза Филиппа горели, и он яростно ковал посреди снопа искр.

Все небо было усыпано звездами, когда Филипп постучался к Бланшотте. На нем была воскресная блуза, свежая рубашка, он подстриг бороду. Молодая женщина показалась на пороге; она с обидой сказала ему:

— Нехорошо так поздно приходить, господин Филипп. Он хотел ответить, но, сконфузившись, что-то забормотал. Она продолжала:

— Вы должны меня понять, я не хочу, чтобы про меня болтали. Он вдруг сказал:

— А кому какое дело, если вы согласны быть моей женой?

Ответа не было, но послышался шум, как будто бы кто-то упал в полумраке комнаты. Филипп быстро вошел, и Симон, уже лежавший в кровати, различил звук поцелуя и несколько слов, чуть слышно произнесенных его матерью. Затем сильные руки подхватили мальчика, и, держа его в геркулесовых объятиях, его друг крикнул ему:

— Скажи им, твоим товарищам, что твой папа — кузнец Филипп Реми и что он отдерет за уши всякого, кто посмеет тебя обидеть.

На следующий день, когда мальчики собрались в школе, маленький Симон поднялся с места перед началом урока. Он был бледен, губы его дрожали.

— Мой папа, — звонким голосом сказал мальчик, — кузнец Филипп Реми, и он обещал отдрать за уши всякого, кто посмеет меня обидеть.

На этот раз никто не засмеялся, — все знали кузнеца Филиппа Реми. Это был такой папа, которым каждый мог бы гордиться.